

*Разметаева Ю. С.,**кандидат юридических наук, ассистент кафедры теории государства и права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого*

ПРАВО НА СОПРОТИВЛЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена праву на сопротивление и его крайней форме – праву на восстание. Автор акцентирует внимание на условиях, основаниях и формах реализации названных прав. Рассматривается незаконность действий, актов и решений публичной власти, нарушения прав человека ее представителями. Исследуются национальный и международный уровни существования прав на сопротивление и восстание, связанные с ними права на самооборону и самоопределение.

Ключевые слова: право на сопротивление, право на восстание, гражданское неповиновение, коллективная реализация прав человека, незаконные действия, публичная власть.

Постановка проблемы. Активизация общественно-политических процессов и глобальные изменения, произошедшие в некоторых государствах за краткий период времени, требуют обращения к такой неоднозначной проблематике, как сопротивление публичной власти, гражданские протесты, неповиновение и восстание. Сложность исследования подобных вопросов усиливается тем, что они находятся на стыке правовой, моральной и политической тематики, а также обладают особенной социальной остротой.

Хотя в правовых концепциях иногда отождествляется или употребляется синонимично право на сопротивление и право на восстание, а также право на самооборону в самом широком его смысле, наиболее точным термином представляется именно право на сопротивление. Оправдание последнего традиционно выводят как из естественного права, прав человека, так и из принципа меньшего зла или из общественного договора. Современная трактовка права на сопротивление выражает тенденции обращения к праву народов, в частности, к праву на самоопределение, различения национального и международного понимания и подчеркивания особого характера такого права. Также следует разделять два уровня исследований права на сопротивление: первый касается споров о естественной природе и законодательном закреплении, частично сосредоточен на предупредительно-ограничивающих его свойствах, второй актуализируется в момент социально-правовых потрясений, касается, в том числе, не только оценки событий, но иногда и попыток оправдания постфактум, опасности злоупотребления и своеобразной постлегитимации публичной власти.

Анализ исследований и публикаций. История права на сопротивление (*jus resistendi*) прослеживается от самых истоков цивилизации и в каком-то смысле опирается на идеи естественного состояния. Первые упоминания и признание такого права можно обнаружить, начиная с политико-правовой мысли Древнего Китая. Доктринальное продолжение оно получило в трудах христианских мыслителей (прежде всего, Фомы Аквинского). Особенную популярность концепция «сопротивления тирании» приобрела у английских и шотландских авторов, таких как Джон Локк, Томас Гоббс, Сэмюэл Резерфорд, Алджернон Сидни и др. Это повлияло на закрепление различных вариаций

права на сопротивление в таких документах, как Декларация прав человека и гражданина 1789 г. (и редакция 1793 г.), Декларация независимости США 1776 г. (где указано не только право, но и обязанность), Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ряде других деклараций и хартий. На данный момент это право поддерживается конституциями многих государств, в процентном отношении более чем в одной пятой их части.

К вопросам, касающимся права на сопротивление, обращались многие современные, украинские и зарубежные, исследователи, среди которых Б. Бабин, Т. Гинзбург, Д. Лансберг-Родригес, О. Каратаев, А. Кауфман, Д. Копел, Д. Миллер, Дж. Олсон, Т. Оноре, Э. Рубин, С. Рымаренко, М. Савчин, К. Ферзан, И. Уолл и пр. Следует отметить появление концепций, декларирующих пересекающиеся с сущностью права на сопротивление идеи «сопротивления в небольшом масштабе», «права на оружие как гарантии сдерживания власти», «самозащиты от государства», «гражданского неповиновения», «революции достоинства».

Несмотря на многочисленные попытки теоретического обоснования права на сопротивление, на сегодняшний день его систематический анализ недостаточен. Существует несколько наиболее часто используемых направлений исследований, которые сосредоточены на политических концепциях сопротивления, исторических его проявлениях или изучении нормативного материала, а также на вопросах действий насильственного характера и мирных акций гражданского неповиновения, незаконной оккупации, гуманитарной интервенции и международной помощи. Однако правовая природа, содержание и формы реализации права на сопротивление остаются не до конца изученными, вызывают многочисленные дискуссии, вплоть до сомнений в собственно правовом характере данного права.

Исходя из вышеизложенного, **целью** статьи является анализ основных теоретико-правовых аспектов права на сопротивление, а также такой крайней его формы, как право на восстание, определение субъектов, условий и способов реализации упомянутых прав.

Изложение основного материала. Обоснования права на сопротивление делятся на три четко различимые группы: (1) те, что ссылаются на приоритет естественного права над конституционным законом; (2) те, которые создают обязанность гражданина сопротивляться свержению нынешнего порядка; и (3) те, которые позволяют сопротивляться для защиты индивидуальных прав от неправомерных действий или злоупотреблений, предпринимаемых государством [1, с. 1221]. Приверженность конкретному обоснованию зависит от многих факторов, среди которых на передний план выходят тип правовой системы, форма государства, менталитет народа, история угнетения, тираннии и репрессий, а также опыта сопротивления им для данного общества. Зачастую публичная власть, как правило, заинтересованная в урезании права на сопротивление, требует, чтобы любые акты оставались в узких пределах либо тем или иным образом санкционировались государством. В свою очередь, злоупотребления правом возможны и со стороны представи-

телей общества, к примеру, использование призывов о смене конституционного строя или инициирование протестов как средства получения публичной власти. Поэтому, на наш взгляд, немаловажным условием существования права на сопротивление является легитимная цель. Это, так сказать, внутреннее условие, обеспечиваемое теми, кто осуществляет данное право. Иным условием (его можно назвать внешним) и основанием реализации следует признать наличие определенных действий, актов или решений со стороны публичной власти – тех, которые нарушают права человека, являются незаконными и несправедливыми.

Одновременно целью и результатом осуществления права на сопротивление могут быть изменения в публичной власти, прекращение злоупотреблений полномочиями и нарушений прав человека со стороны ее представителей, возвращение к демократическому правовому режиму или изменение конституционного строя, направленные на создание правового государства, а также, в отдельных случаях и при сочетании с правом на самоопределение, – достижение независимости.

Б. Бабин пишет о том, что право на сопротивление – коллективное естественное право. При этом «нормы по-разному определяют право на сопротивление, определяя его субъект как коллектив (народ), индивида («каждый гражданин») или как неопределенный по количеству («все немцы», «граждане»), и по-разному понимая условия осуществления такого права (наличие незаконных приказов, насильственного посягательства на конституционный строй или даже любого, пусть и ненасильственного, посягательства на демократию). Указанные нормы размещаются в тексте конституций в различных частях: и там, где речь идет об основах общественного строя, и там, где закрепляются права человека» [2]. Часть авторов указывает на то, что право сопротивляться может выступать и как индивидуальное, и как коллективное право [1, с. 1192].

По нашему мнению, право на сопротивление – индивидуальное право. Более того, субъектом его является человек, а не гражданин, т. к. пострадать от действий публичной власти может не только лицо, имеющее стойкую политико-правовую связь с конкретным государством. Другой вопрос – возможно ли одиночное осуществление права на сопротивление? Являются ли одиночный пикет или акция протеста, осуществляемая одним человеком, как это было в течение украинских событий ноября 2013-марта 2014 гг., реализацией права на сопротивление или других прав (например, свободы слова или права на самооборону)? Автор склоняется к мысли о коллективном характере реализации права на сопротивление, однако предостерегает от простого подсчета количества лиц, его осуществляющих. Иными словами, неважно, сколько людей совершает действия, важно, сколько людей их поддерживают. Здесь можно вспомнить пример «демонстрации семи», возможно не слишком удачный с точки зрения последствий, но показывающий, что количество физически вышедших протестовать против действий публичной власти далеко не всегда совпадает с количеством людей, осуждающих незаконную политику государства.

Но как определить степень поддержки действий по реализации права на сопротивление со стороны народа? В этом случае возможно проведение аналогии с высказыванием Р. Миллера о том, что нельзя «слепо применять непроверенный принцип большинства к практике самоопределения» [3, с. 648]. Как представляется, поддержка большинством может находить воплощение не в явных действиях (к примеру, массовых митингах и демонстрациях), а и в таких трудно устанавливаемых формах, как обеспечение и материальная помощь для протестующих, распространение информации о незаконных

актах публичной власти, поиск единомышленников и убеждение противников, публичное выражение поддержки и даже высказываемое или молчаливое одобрение, сочувствие.

Говоря о формах реализации права на сопротивление, следует отметить, что они могут иметь активный или пассивный характер, а также выражаться прямыми или опосредованными действиями. Активная реализация предполагает совершение действий, таких как участие в акциях протеста, блокирование работы учреждений, дорог, мостов, других сооружений, вплоть до действий «с оружием в руках». Пассивная реализация трактуется нами как воздержание или отказ субъекта от совершения определенных действий. Например, отказ от покупки товаров, к которым имеют отношение представители публичной власти, невыход на митинги в поддержку власти, игнорирование незаконных требований ее представителей. Прямыми действиями являются гражданские инициативы, проведение акций протеста, координация и взаимодействие, публичные выступления. Опосредованные действия могут выражаться в различного рода помощи тем, кто непосредственно участвует в протестах против публичной власти, информационной поддержке, техническом обеспечении.

Такое понимание приводит нас к другому праву, тесно связанному с сопротивлением – праву на самооборону (самозащиту).

Так, отмечается, что «существует подавляющий консенсус среди источников международного права, с древних времен до наших дней, среди различных правовых систем, религий и народов: самозащита является фундаментальным правом человека... Кажется очевидным, что было бы нарушением прав человека для правительства запретить самозащиту, запретить оборонительное обучение или владение разумно необходимым оборонительным вооружением. Ни одно правительство не имеет законного права запретить человеку возможность осуществить право защищаться от насильственного нападения или запретить человеку принимать меры, приобретать инструменты, необходимые для реализации этого права» [4]. Как утверждает Д. Миллер, право на самооборону распространяется как на частные, так и на публичные угрозы, в том числе включает самооборону против представителей тиранического правительства. Помимо того – это индивидуальное право. Лица, не только сообщества, имеют право защищать себя от общественного насилия. Гражданские, не только военные, имеют право защищать себя от тирании и произвола [5, с. 939]. К. Ферзан пишет о моральном обосновании права на самооборону и допустимости различных действий самозащиты, даже в случае, если государство не в силах такую защиту обеспечить. Связи между гражданами, государством и самозащитой могут быть чрезвычайно сложными, могут превалировать те или иные концепции, однако в большей или меньшей степени последняя будет зависеть от государства. Кроме того, способность государства защитить нас имеет важное значение для его легитимности в целом, легитимности для незащищенных групп населения и способности законно применять наказания к отдельным лицам [6, с. 478]. Нельзя не обратить внимание, что самозащита может выступать как способ сопротивления для конкретного лица или группы лиц, и в целом может рассматриваться как своеобразное отражение, аналог права на сопротивление на более низком, индивидуальном уровне.

Одновременно в качестве следствия и условия существования права на сопротивление (как и права на самооборону) иногда рассматривается такое неоднозначное право, право на оружие. Неоднозначность его проявляется, прежде всего, в том, что, с одной стороны, против такого права приводятся данные о пагубном влиянии его на состояние других прав человека (ста-

тика убийств и вооруженных нападений в странах, где оно юридически закреплено), в поддержку – то, что существование этого права удерживает правительство от злоупотреблений в отношении собственного народа. Так, по мнению Д. Копела, одна из наиболее важных причин того, что в двадцать первом веке американцы настолько привязаны к своему оружию, их традиционное убеждение, что граждане имеют Богом данное право и коррелирующую моральную обязанность свержения тирании. Хотя право революции можно найти в различных источниках многих культур, наибольшее влияние принадлежит религиозным философам Великобритании семнадцатого века, которые сформулировали христианскую теорию нравственного императива для насильственной революции против тирании [7, с. 291-292]. Хотя в некоторых государствах право на оружие не подвергается сомнению и действительно выступает сдерживающе-предупредительным фактором, опыт признания и закрепления его нельзя механически переносить на другие модели государств. По крайней мере, следует учесть особенности конкретного общества и взвесить возможные риски.

Обращая внимание на международный уровень рассмотрения права на самооборону, необходимо сказать, что в соответствующих правовых документах прослеживается несколько осторожный подход. Особенно в той части, которая связана с правом на самоопределение, а также вмешательства международного сообщества. Строго говоря, заставить международное сообщество признать, что в каком-то государстве реализуется или было реализовано именно право на сопротивление, могут только неприкрытые, очевидные нарушения прав человека со стороны публичной власти и одновременные многочисленные акции гражданского неповиновения со стороны народа.

Считается, что «четкого понимания права на сопротивление современное международное право не содержит. Вместе с тем из анализа актов ООН можно вывести следующие тенденции: (1) мировое сообщество и отдельные государства не могут создавать искусственные механизмы для реализации права на сопротивление в других, суверенных государствах; (2) если в определенном государстве население реализует право на сопротивление власти, международное сообщество должно воздержаться от технической и военной помощи обеим сторонам, но это не ограничивает возможность предоставления в это государство, в т. ч. повстанцам, гуманитарной помощи; (3) население, реализующее право на сопротивление, не признается отдельным самостоятельным субъектом международного права, одновременно для такого населения международное право может предусмотреть отдельные права и гарантии; (4) право на сопротивление увязывается с другими глобальными правами, такими как право на самоопределение, право на развитие и право на мир» [2]. Одним из важных элементов признания осуществления права на сопротивление является признание международным сообществом легитимности изменений, которые последовали за его осуществлением (к примеру, ободрение формирования нового правительства или поддержка реформ).

В целом трактовки права на сопротивление на международном уровне неоднозначны, но можно проследить тенденцию следования принципам права, а не жестким правилам. Так, Е. Киевец пишет о «реальности регулировок современных международно-правовых отношений, которая характеризуется постепенным отходом от классических источников международного права как объективной международно-правовой категории к справедливости – как субъективной» [8, с. 414]. И если реализация права на сопротивление осуществляется в русле этих принципов и имеет пропорциональный

характер, то с большой долей вероятности международное признание гарантировано.

Некоторые авторы указывают на исключительную сущность права на сопротивление, реализацию его лишь при фактическом отсутствии альтернативы. «Право на сопротивление обычно воспринимается как право последней инстанции, действующее только в самых чрезвычайных обстоятельствах и вытекающее из незаконных действий правительства. Кроме того, право на сопротивление отличается от других прав характером «второго порядка». То есть вместо обеспечения определенных ограничений публичной власти, право на сопротивление служит механизмом принуждения для защиты других конституционных прав» [1, с. 1190]. Следует согласиться с особой ролью этого права как средства своеобразного принуждения публичной власти обеспечивать соблюдение, реализации и защиты прав человека. Однако, по нашему мнению, в приведенном понимании речь идет скорее о праве на восстание. Последнее действительно является крайней формой права на сопротивление и выражает некий насильственный вариант действий, что влияет на более жесткие требования к условиям его существования и реализации.

Нельзя не согласиться с Т. Оноре в том, что «право на восстание должно быть обусловлено исчерпанием ненасильственных средств» [9, с. 46]. Помимо исчерпания ненасильственных средств сопротивления, основанием реализации права на восстание может быть явная и несомненная неэффективность этих средств.

Другими условиями (и основаниями) реализации права на восстание выступают такие явления, как: (1) массовые нарушения прав человека со стороны публичной власти (критерий количественного характера), систематические нарушения прав человека со стороны публичной власти (критерий накапливающегося характера) или чрезвычайные нарушения прав человека со стороны публичной власти (критерий серьезного, явного и жестокого характера нарушений).

Следует сказать, что именно массовые нарушения прав человека могут повлечь одновременное осуществление права на восстание и права на самоопределение. Как отмечает С. Рымаренко, «массовое нарушение прав человека вызывает острые социальные потрясения, содействует распространению межнациональных и межэтнических конфликтов. И наоборот, обеспечение и защита прав человека, распространение их среди этнических сообществ помогают установлению беспристрастных отношений между коренным населением и этническими группами и иммигрантскими общинами. Более того, для Европейского союза эти правовые нормы и условия и является ключом демократии и членства» [10, с. 11].

Необходимо отметить, что деятельность, начатая как реализация права на сопротивление, может перерасти в восстание, особенно в тех случаях, когда уровень злоупотреблений со стороны публичной власти лишь возрастает в ответ на протестные акции и события. Тогда, когда этот уровень становится невыносимым и нет другого альтернативного пути, – вступает в силу право на восстание.

Одна из наиболее острых проблем исследования права на восстание – спорный и неоднозначный характер некоторых способов его реализации. Насильственное и особенно вооруженное сопротивление, совершение незаконных действий, выход за пределы правового поля – все это может сопровождать осуществление упомянутого права. Какие из способов допустимы и пропорциональны? Как следует решать вопрос о юридической ответственности лиц, прямо или косвенно участвующих в восстании? Возможно ли разработать и закрепить

механизм реализации такого права, а не только подтвердит факт его наличия законодательным путем?

По мнению Б. Бабина, такое право «не имеет и не может иметь предусмотренного писаным правом механизма реализации. Вместе с тем механизмы внешней правовой оценки социальных конфликтов как возможной реализации права на сопротивление и возможные правовые последствия таких конфликтов являются перспективной в условиях современного политически нестабильного мира темой дальнейших научных исследований» [2]. Трудность механизма внешней оценки – в ее ретроспективном характере (а также степени вовлеченности в события), однако в учете правовых последствий мы должны обращаться прежде всего к принципу справедливости и приоритету «духа» закона над «буквой». Субъектом оценки мог бы выступить в таком случае суд, при условии соблюдения независимого, объективного и беспристрастного, а также разумного рассмотрения вопроса.

Отдельного внимания заслуживает идея о судебных способах сопротивления, которая не всегда укладывается в традиционное понимание реализации соответствующего права. В частности, роль суда может сводиться в таком понимании к функции определения пределов дозволенного в сопротивлении и решению вопросов об ответственности отдельных лиц. Проблему составляет и то, что суд может оказываться на стороне публичной власти, поддерживать беззаконие и несправедливость, вопреки принципам права и идее правосудия.

И. Уолл, говоря о судебных способах защиты, утверждает, что сила гражданского неповиновения в том, что оно заставляет правительство обратить внимание на собственные действия и в полной мере взять на себя ответственность за них. Это поднимает планку, делая продолжение непопулярной политики неудобным для правительства. Он также приводит пример Ирландии, где, совершая незаконные действия, некоторые лица и группы понесли наказание, одновременно привлекая внимание к несправедливым действиям правительства (иногда вскрывая правду, которую представители публичной власти предпочли бы утаить) и получая поддержку со стороны части общества. Интересна идея в связи с этим доверить решение относительно политических преступлений суду присяжных, т. к. «арбитром по вопросам политики является народ» [11, с. 288]. Сторонником судебных способов сопротивления является Э. Рубин, который пишет о необходимости судебного контроля за публичной властью. Как утверждается, по крайней мере, шесть веков политическим мыслителям пришлось довольствоваться абстрактными утверждениями, что люди обладают правом на сопротивление или восстание, когда их правители нарушают высший закон, не учитывая, что осуществление этого права было опасно как для тех, кто обладал им, так и для общества в целом, и полагая, что люди не будут рисковать, если они не были правы в своих суждениях и уверены в успехе. Затем, в течение нескольких коротких десятилетий, народ Соединенных Штатов решил эту проблему. Они поняли, что, как только высший закон был закреплен в окончательной форме, можно рассчитывать на суды, то есть знакомый, хорошо зарекомендовавший себя механизм, действующий в обычном порядке, без каких-то чрезвычайных актов [12, с. 117-118].

В целом право на сопротивление, обладает оно судебной поддержкой или нет, может быть неплохим средством ограничения возможных действий, решений и актов публичной власти и напоминанием о ценности прав человека и о том, что источником этой власти является народ.

В завершение стоит привести цитату, очень актуальную

для украинского общества и государства: «Предположительно, если право сопротивляться правильно осуществляется, государство обязано не применять репрессий к тем, кто участвует в этом процессе. Такие репрессии или подавление могут привести к уголовной ответственности либо на международном уровне, либо в местных судах, после политических преобразований, для тех представителей публичной власти, которые участвуют в подобных репрессиях» [1, с. 1195]. Нельзя не отметить, что эти слова очень точно ложатся в реалии нашего существования, хотя достижение результата в виде привлечения к ответственности некоторых представителей публичной власти может оказаться долгой дорогой.

Выводы. Таким образом, право на сопротивление выступает индивидуальным правом и может быть коллективно реализовано при условии наличия легитимной цели в ответ на незаконные, несправедливые и нарушающие права человека действия, решения или акты публичной власти. Реализация такого права может иметь активные или пассивные формы, выражаться в прямых или опосредованных действиях. Немаловажными условиями осуществления права на сопротивление выступают признание и поддержка на национальном и международном уровнях, причем поддержка со стороны собственного народа может иметь различные, как открытые, так и неявные, трудно устанавливаемые формы.

В случае, если злоупотребления со стороны публичной власти приобретают массовый, систематический или чрезвычайный характер, а ненасильственные средства сопротивления исчерпаны или неэффективны, возможно осуществление такой крайней формы права на сопротивление, как право на восстание. Неоднозначным остается вопрос о пределах права на восстание, допустимых и насильственных способах его реализации, а также о возможной разработке механизма его осуществления.

Казалось, что тема сопротивления и особенно восстания как предмет научных исследований несколько ушла в прошлое, однако современной теории следует уделять этим проблемам больше внимания, с учетом возросшей актуальности проблем. Кроме того, целесообразно закрепить право на сопротивление в законодательстве Украины на уровне конституционного закона, в качестве дополнительного ограничителя для публичной власти.

Литература:

- Ginsburg T. When to Overthrow Your Government: The Right to Resist in the World's Constitutions / T. Ginsburg, D. Lansberg-Rodriguez, M. Versteeg // *UCLA Law Review*. – 2013. – Vol. 60. – № 5. – P. 1184–1260.
- Бабин Б.В. Право на сопротивление как глобальное право / Б. В. Бабин // *NB: Вопросы права и политики*. – 2013. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.e-notabene.ru/lr/article_817.html.
- Miller R. Self-Determination in International Law and the Demise of Democracy? / R. Miller // *Columbia Journal of Transnational Law*. – 2003. – Vol. 41. – P. 601–648.
- Kopel D.B. The Human Right of Self-Defense / D. B. Kopel, J. D. Eisen, P. Gallant // *BYU Journal of Public Law*. – 2008. – Vol. 22. – [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=1022097>.
- Miller D.A.H. Retail Rebellion and the Second Amendment / D.A.H. Miller // *Indiana Law Journal*. – 2011. – Vol. 86. – P. 939–977.
- Ferzan K.K. Self-Defense and the State / K. K. Ferzan // *Ohio State Journal of Criminal Law*. – 2008. – Vol. 5. – P. 449–478.
- Kopel D.B. The Scottish and English Religious Roots of the American Right to Arms: Buchanan, Rutherford, Locke, Sidney, and the Duty to Overthrow Tyranny / D. B. Kopel / *Bridges*. – 2005. – Vol. 12. – № 3/4. – P. 291–312.
- Київцев О.В. У пошуках міжнародного права: переосмислюючи

джерела / О.В. Київцев. – Кам'янець-Подільський: ПП «Видавництво «Оіном», 2011. – 480 с.

9. Honoré T. The Right to Rebel / T. Honoré // Oxford Journal of Legal Studies. – 1988. – Vol. 8. – Issue 1. – P. 34–54.
10. Римаренко С.Ю. Права нації та права людини: між Сцїллою та Харїбдою / С.Ю. Римаренко. – К.: Світогляд, 2005. – 78 с.
11. Wall I.R. The Defence of Conscience: A Limited Right to Resist / I. R. Wall // Hibernian Law Journal. – 2004. – Vol. 4. – № 1. – P. 275–288.
12. Rubin E.L. Judicial Review and the Right to Resist / E. L. Rubin // The Georgetown Law Journal. – 2008. – Vol. 97. – P. 61–118.

Размстаєва Ю. С. Право на спротив: основні теоретичні аспекти

Анотація. Стаття присвячена праву на спротив і його крайній формі – праву на повстання. Автор акцентує увагу на умовах, підставах та формах реалізації наведених прав. Розглядається незаконність дій, актів і рішень публічної влади, порушення прав людини її представниками. Досліджуються національний та міжнародний рівні існуван-

ня прав на спротив і повстання, пов'язані з ними права на самооборону та самовизначення.

Ключові слова: право на спротив, право на повстання, громадянська непокоря, колективна реалізація прав людини, незаконні дії, публічна влада.

Razmetaeva Y. The right to resist: basic theoretical aspects

Summary. The article is devoted to the right to resist and such its extremal form as the right to revolt. The author focuses on the conditions, grounds and forms of realization of these rights. Illegal actions, acts and decisions of public authorities, human rights violations by its representatives discussed in the article. National and international levels of existence of human resistance and revolt, and associated rights of self-defense and self-determination are investigated.

Key words: right to resist, right to revolt, civil disobedience, collective realization of human rights, illegal acts, public authority.